

МЯСНИКОВ О. Г.,
г. Макеевка

АВТОРИТАРНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Практически все политологи согласны в признании важной роли духовных, мировоззренческих, идеологических и социально-психологических факторов в политических процессах, часто вводя их в качестве ключевых параметров политических режимов. Так, после ставшего классическим труда З. Бжезинского и К. Фридриха «Тоталитарная диктатура и автократия» тоталитарный режим многими политологами рассматривается не иначе как идеократия. Демократический режим традиционно анализируют сквозь призму демократических ценностей, истолковывающих их идеологий.

Известному американскому политологу Роберту Далу пришлось даже вводить специальный термин «полиархия» для обозначения реально существующих демократий. В гораздо меньшей степени идеологически идентифицированы авторитарные режимы, что, вероятно, связано в первую очередь с трудностями определения самой их природы, а также с многообразием их конкретных форм. Соглашаясь с видным исследованием авторитаризма Х. Линцем относительно второстепенности содержания идеологии для характеристики и классификации авторитарных режимов, необходимо сказать, что тем самым вовсе не снимается проблема авторитарного сознания и его роли в формировании, функционировании и эволюции этих режимов.

Для нас проблематика авторитаризма во всех его ипостасях чрезвычайно важна. Во-первых, столетия существования в рамках «гегемонистских режимов» (Р. Даль), которые различались лишь степенью своей жесткости, но не близостью к демократии, сформировали у нас мощный комплекс социокультурных традиций, своеобразный генотип авторитаризма, обладающий заметной автономией. Во-вторых, сами эти традиции порождают замкнутый круг: с одной стороны, они в значительной степени «ответственны» за половинчатость и противоречивость процесса реформирования общества, особенно политического, ибо большинство политиков, несмотря на их демократическую риторику, мыслят и действуют в рамках авторитарных представлений о власти и политике. С другой стороны, именно эта неспешность и медлительность трансформации украинского общества, девальвация демократической стратегии экономическими неурядицами активизируют авторитарные традиции, уже потому, что это традиции.

Оставляя в стороне институциональные и функциональные аспекты авторитарных режимов, хочу привлечь внимание к тем устойчивым, укорененным в сознании наших соотечественников стереотипам, шаблонам, стандартам восприятия политики, «мыслеформам» (К. Юнг), которые можно назвать авторитарными верованиями. Политическое сознание вообще и верования в частности - ключевой аспект функционирования любого режима, так как его стабильность, устойчивость и хотя бы относительная эффективность зависят в значительной степени от его легитимности. Режим должен в той или иной степени соответствовать, добиваться соответствия господствующим в общественном сознании и характерным для данной политической культуры нормативным представлениям о власти, государстве, о взаимоотношениях между властью и человеком и т. п.

Более того, сами содержательные характеристики и параметры определенного режима складываются под влиянием не только объективных факторов, но и архетипов массового сознания. Это заметил еще Н. Бердяев, зафиксировав появление «русского коммунизма» - переиначенной под влиянием российских авторитарных традиций и «воплощенной в жизнь» западноевропейской доктрины.

Среди других компонентов политического сознания верования отличаются прежде всего тем, что это устойчивые представления, приобретшие силу неосознанной установки; они лежат в основе многообразных мифов, легенд, теорий, концепций и т. п., описывающих, объясняющих и оценивающих политические явления. В отечественном политическом сознании, используя историческую, социологическую и политологическую литературу, можно выделить ряд таких верований, которые по своему политическому смыслу являются авторитарными.

Центральное место в этих верованиях принадлежит, разумеется, мифологии власти и государства. Опыт отечественного авторитаризма дает возможность выделить ряд ее характерных черт.

1. Власть, являясь инструментальной ценностью, рассматривается прежде всего как право на привилегии. Даже самая обыкновенная должность, по словам историка В. А. Томсинова, наделена волшебными свойствами: «она и скатерть-самобранка, дающая прокормление, и шапка-невидимка, покрывающая от суда и закона, и меч-кладенец, разящий недругов». Высокий статус в системе государственной власти предпочтительнее таких же статусов в экономической, профессиональной и других структурах, так как иерархия власти фактически подменяет собою остальные социальные иерархии.

2. Инструментальный характер власти проявляется в том, что именно в ней, а не, скажем, в праве или законе, обычаях или традициях, видят залог, условие, средство и главный устой политического и - самое главное - социального порядка, т. е. стабильного функционирования общества. Порядок, таким образом, имеет единственный источник - власть, он - категория прежде всего политическая, а не социальная. Власть и порядок в авторитарном сознании оказываются, в конечном счете, одним и тем же, взаимозаменяемыми величинами. Поэтому причину ослабления порядка, дисциплины в обществе, падения нравов и т. п. люди усматривают не столько в эрозии норм, правил, эволюции социальных отношений, сколько в ослаблении именно государственной власти. И, соответственно, ее усиление и даже

ужесточение - естественный способ восстановления желаемого порядка. Понятно, что такой взгляд на социальный порядок «благословляет» экспансию власти, ее вмешательство в дела общества, во все его сферы.

Нужно сказать, что в этом пункте авторитарные представления почти полностью смыкаются с тоталитарными. Для тоталитаризма характерна вера в творящую, созидающую силу власти, приписывание ей, фактически только ей, роли демиурга. Авторитарный взгляд не столь радикален, но его умеренность не кажется принципиальной.

3. Если в рамках демократического сознания власть ассоциируется с разделением функций, прав, ответственности, полномочий, рассматривается как право на принятие определенных решений, т. е. трактуется вполне рационально, то авторитарное сознание более «социологично»: власть тождественна господству одних людей над другими, праву первых едва ли не всецело распоряжаться вторыми. Во властных отношениях людей связывает не координация функций, а «крепостная зависимость». Причем такое господство - всегда противоречие, в котором на одном полюсе концентрируется «свобода самовласти», а на другом - почти полное политическое бесправие. Очевидно, что лишенный свободы и автономии объект власти неизбежно нуждается в стоящей над ним руководящей силе, как слепой в поводу.

Интересно, что такое представление о власти ведет к ее отождествлению с политической свободой, а вернее - свободы с властью. Быть свободным, значит приобрести свободу. В прочном круге авторитарной логики борьба за политическую свободу не может быть ничем иным, как борьбой за власть, а победа в ней ведет лишь к новому деспотизму.

4. Редукция власти к господству дополняется и развивается сближением власти и насилия (силы). Реализация власти видится как использование насилия, принуждения, власть оценивается ее способностью подавлять, уничтожать, «навязывать свою волю» и т. п. Сильная власть - это, разумеется, власть силы - причем грубой, едва ли не физически ощутимой. Властей должны бояться - иначе что же это за власть? Уважать власть - значит испытывать перед ее лицом страх. Поэтому власть в авторитарных верованиях ассоциируется с победой и господством по военному образцу и уж никак не со стремлением к компромиссу, в котором, напротив, видят признак слабости, симптом неэффективности власти. Использование других ресурсов обычно рассматривается в

качестве дополнения к силе. Тот факт, что сведение власти к насилию существенно сужает ее реальные возможности (по О. Тоффлеру, сила - самый примитивный и в историческом, и в функциональном отношении источник власти), а из средства «наведения порядка» она неминуемо превращается в конфликтогенный фактор, парадоксальным образом остается вне поля внимания авторитарного сознания.

Таким образом, в авторитарных верованиях власть предстает в образе недифференцированной, слитной с другими политическими и социальными явлениями силы. Такой неразвитый образ власти открывает широкое поле для политических и идеологических манипуляций.

Представления о власти тесно связаны с образом, моделью, архетипом государства и его предназначения. Хотя в авторитарном сознании уже расщепляется характерный для тоталитаризма предрассудок относительно совпадения общества и государства, общество воспринимается авторитаристами в обрамлении государственных атрибутов, в его государственной ипостаси. Само государство рисуется в качестве высшего воплощения народного, национального духа, его истории, этничности, как своеобразное свидетельство богоизбранности народа, зрелости общества. Тем самым государство из заурядной политической структуры превращается в ценность высшего ранга. «Божественность» государства делает само собой разумеющимся приоритет государственного над общественным, над частным.

Вместе с тем власть государства в авторитарных верованиях ограничена ее инструментальной функцией: идеал государства непременно сопрягается с неотемлимой его задачей служения народу, нации. Другими словами, государство должно оправдать свое «божественное» положение. И здесь на первом месте стоит функция объединения нации, общества, их сплочения: именно государство и только оно может и должно быть цементирующей силой. Без государства, его власти и воли, усилий и структур общество (экономика, культура, образование и т. п.), по мнению авторитаристов, просто рассыпется. Скажем, язык обнаруживает свойство интегрировать людей не в силу своей природы, а тогда, когда он обретает статус государственного. И, что особо важно для нашей страны, государственное единство рассматривается в виде условия и фундамента единства национального.

Очевидно, что образ государства в авторитарном сознании не носит исключительно и даже преимущественно

политического характера - государство предстает здесь в виде своеобразного возведенного в высшую степень образа общества, взятого в его прошлом, настоящем, будущем, образа, воплощающего иррациональную и возвышенную имманентную линию - линию судьбы народа.

Какие же выводы вытекают из всего сказанного? Авторитарные верования вполне согласуются с авторитарным режимом (вопрос об их истинности, разумеется, не стоит), поддерживают его прежде всего на уровне стереотипов поведения и мышления. При переходе к демократическому режиму они составляют силу инерции, проявляющуюся в неосознанном стремлении воспроизвести авторитарную практику в новых условиях, внести авторитарный «смысл» в демократические институты (например, президент - это тот же царь). Авторитарные верования активизируются не только под влиянием неудач трансформации общества, - сами политики, даже демократического спектра, пытаясь обеспечить народную поддержку себе, своим стратегиям, часто апеллируют к авторитарным пластам общественного сознания, тем самым «подпитывая» их. Между тем отечественная культура и общественное сознание вовсе не исчерпываются компонентами авторитарного характера. Но судьбы демократических традиций, верований, идеологий - тема особого разговора.